

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 81–90.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 2 (75). P. 81–90.

Научная статья
УДК 94(470)“19/...”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_81

**САУННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НОМАДОВ**

Садовой Александр Николаевич

Субтропический научный центр РАН, г. Сочи, Россия
sadvoy.a.n@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2153-6459>

Аннотация. Смена научных парадигм, методологических подходов исследования социумов номадов определяет актуальность исследования современных процессов. Целью проведённого исследования выступал механизм (комплекса причинно-следственных связей) этнической стратификации в среде этносов горных экосистем, сохраняющих традиционную хозяйственную специализацию в сфере скотоводства. Использовались статистические данные конца XIX в., историографические источники по проблематике и полевые материалы автора. Методологической основой выступали системный, процессный, выборочные подходы. Алгоритм исследования определялся комплексом разработанных методик. На основе проведённого анализа дана оценка традиционного жизнеобеспечения автохтонных этносов как многоплоскостной, иерархически соподчинённой и сбалансированной этноэкологической системы, в границах которой процессы воспроизводства населения определялись системой перераспределения воспроизводимых природных ресурсов. Выявлено: социальная стратификация традиционного общества повлияла на систему землепользования и источники жизнеобеспечения по всем социальным стратам. Отмечено, что в социуме номадов доминировали производственно-территориальные связи при сохранении исторической памяти о его сословной структуре как гаранте сохранения относительно высокого благосостояния. Приоритетное право на регуляцию выпаса скота в долинных комплексах определялось ограниченным количеством семей крупных собственников (как социальной страты) на основе норм обычного права, включающего в свою структуру и систему саунных отношений.

Ключевые слова: методология, системный подход, внутри- и межэтнические коммуникации, компаративный анализ, этническая и этносоциальная стратификация, саунные отношения, Горный Алтай, автохтонное население, системы жизнеобеспечения, природопользование

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук» на тему «Мониторинг этносоциальной обстановки в субъектах Российской Федерации: методология и методики информационного обеспечения национальной политики» (рег. номер НИОКТР 122032300400-5 FGRW-2021-0014).

Для цитирования: Садовой А. Н. Саунные отношения: этноэкологическая составляющая этнической и этносоциальной стратификации номадов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 81–90. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_81.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

SAUNA RELATIONS: THE ETHNOECOLOGICAL COMPONENT OF NOMADS ETHNIC AND ETHNOSOCIAL STRATIFICATION

Alexander N. Sadvoy

Subtropical Scientific Centre of the RAS, Sochi, Russia
sadvoy.a.n@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2153-6459>

Abstract. The change in scientific paradigms and methodological approaches in the study of "nomad" societies increase the relevance of the study of modern processes of ethnic stratification among ethnic groups that have retained traditional economic specialization. The purpose of the study was to identify the mechanism (complex of cause-and-effect relationships) of ethnic stratification among the ethnic groups of mountain ecosystems that retain their traditional economic specialization in the field of cattle breeding. Statistical data of the end of the 19th century, historiographic sources on the subject and author field materials were used. The methodological basis was systemic, process, selective approaches. The research algorithm was determined by a set of developed methods. On the basis of the analysis carried out, an assessment was made of autochthonous ethnic groups traditional system of subsistence as a multi-plane, hierarchically subordinate and balanced ethno-ecosystem, within the boundaries of which the processes of population reproduction were determined by the system reproducible natural resources redistribution. It was revealed that the traditional society social stratification had an undeniable impact on both the land use system and the sources of life support in all social strata. It is noted that in the society of "nomads" production-territorial ties dominated, while maintaining the historical memory of its class structure, as a guarantor of maintaining a relatively high

welfare. The mobile livestock species concentration of limited number of families ownership (with a sauna system of relations) determined the idea of the priority right of this social stratum to regulate grazing in separate valley complexes.

Keywords: methodology, systemic approach, intra- and inter-ethnic communications, comparative analysis, ethnic and ethno-social stratification, sauna relations, Gorny Altai, autochthonous population, life support systems, nature management

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the State Assignment of Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences "Monitoring the Ethno-Social Situation in the Constituent Entities of the Russian Federation: Methodology and Methods of Information Support for National Policy" (registration number 122032300400-5 FGRW-2021-0014).

For citation: Sadovoy A. N. Sauna relations: The ethnoecological component of nomads ethnic and ethnosocial stratification. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 81–90. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_81.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Историографический обзор

Практика передачи скота, находящегося в личной собственности, на средне- и долгосрочной основе, в распоряжение с предоставлением права пользования получаемой продукцией (молоко, шерсть, навоз / топливо), в отдельных случаях — частью приплода, в среде социумов, традиционная хозяйственная специализация которых базируется на экстенсивных формах скотоводства, имеет универсальный характер и широкое распространение. В среде автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона эта система отношений, хорошо описанная в этнографических источниках конца XIX в. – 1940-х гг., у алтайцев определялась словом «польш» (помощь), у хакасов — «сапис», у казахов и киргизов — «саун» и «саан», якутов — «хасаас», и т. д. [12, с. 17–42]. С учётом универсального характера этой формы отношений в ходе исследования по проблематике нами были обозначены термином «саунные» [16; 17].

По своему содержанию эта форма проявления социальных (внутриэтнических) коммуникаций в советской и постсоветской историографии привлекала интерес перспективами теоретического обоснования формационной теории и механизма (комплекса причинно-следственных связей) классовой стратификации в среде кочевников на основе частной, движимой (скот) или недвижимой (пастбища, пашни, сенокосы) собственности. Уже в советской историографии взгляды на природу и специфику социогенеза в природно-климатической (экологической) среде, детерминирующей практику экстенсивных форм скотоводства, имели концептуальные различия.

Одна из первых концепций была разработана в 1930–1940-е гг. Сергеем Павловичем Толстовым (1907–1976) [21, с. 165–203] и в дальнейшем раскрыта в монографических исследованиях отечественных этнографов — С. А. Токарева, П. Погорельского, В. Батрашова, В. Ф. Бахматова, С. Е. Толыбекова и др. [1; 10; 20; 22]. Согласно этой концепции, основным средством производства в процессе классовообразования выступает скот, общество кочевников имеет чётко выраженный феодальный (сословный) характер при перманентном характере процесса классовой стратификации на основе саунных отношений.

Несколько иная концепция была сформирована в 1950-е гг. известным советским тюркологом Леонидом Павловичем Потаповым. Проследив на обширном материале структуру отношений между социальными стратами алтайцев и тувинцев, в качестве доминанты он определил систему поземельных отношений, не относимых в полной мере к категории земельной собственности, возникающих между зайсанско-байскими хозяйствами и общинами (аильными, кровнородственными, территориальными и т. д.). При этом акцентировалось внимание, что эта система отношений базируется на внеэкономическом принуждении, основанном на праве распоряжения комплексом пастбищных угодий [12–15].

Обе концепции опирались на тезис о разрыве между уровнем развития (формационного) тюркоязычных народов и населением центральной части России, приведённый И. В. Сталиным в докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» на X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.). Им было отмечено, что, за исключением 65 млн невеликорусского населения Украины, Белоруссии, незначительной части Азербайджана, Армении, «прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма», около 25 млн «по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.)» не успели пройти фазу капиталистического развития. Основанием для этого утверждения выступал тезис об отсутствии «своего промышленного пролетариата», сохранение «в большинстве случаев» скотоводческого хозяйства и «патриархально-родового быта» (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или «не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального – полуфеодалного быта» (Азербайджан, Крым и др.) [19]. В контексте сформулированной в докладе идеологии, категория «патриархально-феодалные отношения» и её производные (остатки / пережитки патриархальных отношений), «патриархальный уклад» и т. д.) в советской историографии приобрела устойчивость.

Она была «вписана» в концепцию поступательного исторического (эволюционного, формационного) развития, в которой система внутриэтнических коммуникаций, обеспечивающая устойчивость традиционных социальных институтов (внеклассовых), рассматривалась как анахронизм или пережиток.

Начиная с 1930-х гг. в отечественной историографии внимание обращали на взаимосвязь между характером поземельных отношений, традиционными формами социальной организации и стратификацией тех этносов, основой жизнеобеспечения которых были экстенсивные формы скотоводства. По концепции, сформированной Л. П. Потаповым и С. А. Токаревым [12–15; 20], на Алтае в конце XIX – начале XX в. общество имело чётко выраженную этническую и социальную стратификацию; основной экономической ячейкой территориальных общин выступала малая (простая) семья, а кровнородственные связи (при сохранении родовой структуры) не играли существенной экономической роли в системе традиционного жизнеобеспечения и социальных (внутриэтнических) коммуникаций. Последнее положение было основано на результатах полевых этнографических исследований 1920–1930 гг., согласно которым земельные общества в этот период являлись административно-территориальными образованиями, объединяющими несколько территориальных общин и хозяйства крупных собственников (зайсанских, байских). Этой же позиции придерживается и автор статьи [16–17].

Иная концепция была представлена в монографическом исследовании Н. В. Екеева [3]. На основе исторической реконструкции исследователь рассматривал земельные общества как «типичные крестьянские общины». Это позволяло рассматривать их как социальные институты (органы самоуправления), аналогичные существующим у сибирского крестьянства. При этом общинная организация полукочевых алтайцев выстраивалась на базе не соседских, а родовых принципов. Выстраивалась цепочка горизонтальных взаимосвязей по линии «крестьянская семья (хозяйство) — местные группы разных родов — земельное общество». При этом родовая группа в структуре земельного сообщества могла быть представлена одной семьёй, семейно-родственной группой, патронимическим объединением. Именно родовые группы, представленные старейшинами дьюртов и патронимии, выступали субъектами хозяйственных (поземельных) и даже социальных отношений. Дьюрт мог проявляться и в формате сезонного поселения, и как самостоятельная социальная единица. В последнем случае мы имеем дело с устойчивым социальным институтом, включающим несколько кровнородственных семей, состоящих из семьи отца и отделившихся сыновей или из семей братьев. Состав его мог меняться в зависимости от производственного цикла: зимние дьюрты состояли из двух – пяти дворов, летние — из пяти – десяти и более [3, с. 37]. Летние дьюрты состояли из представителей одного сеока в рамках земельного общества представляли патронимию — уку (уйа), которая и осуществляла совместный выпас [3, с. 36–40]. Саунные отношения, согласно этой концепции, представляли систему коммуникаций между крупным собственником и дьюртом.

Одной из первых попыток вычленив саунные отношения из системы внутриэтнических коммуникаций была предпринята А. И. Першицем, давшим их оценку как классообразующих только при совпадении с данническими (межплеменная, межэтническая система коммуникаций). Во всех иных случаях, по мнению исследователя, саун представляет не более чем способ втягивания производителей в сферу экономических интересов феодала [9, с. 104–110], т. е. с позиции социальной антропологии — социальную технологию.

В предпринятых в 1970–1990-е гг. рядом историков и этнографов — Г. Е. Марковым, Ю. И. Семеновым, В. Н. Владимировым и др. [2; 4–6; 18] — попытках пересмотреть основание классовой стратификации номадов через проведение тезиса о доклассовой природе традиционных социальных институтов, прослеживается та же трактовка саунных отношений как кабальных. Одновременно разрабатывались новые методологические подходы, направленные на реформативное переформулирование концепции Л. П. Потапова о феодальной (сословной) структуре этносов, традиционная экономика которых базировалась на экстенсивных формах скотоводства [16–17]. Внимание акцентировалось на экологической детерминанте этой формы активности в условиях горных ландшафтов Алтае-Саянского экорегиона (системный анализ) и экономической заинтересованности социальных страт и социальных институтов автохтонного населения в саунных отношениях (структурно-функциональный анализ). Оба подхода были сориентированы на определение этноэкологической составляющей этого феномена как фактора социальной стратификации. В ходе исследования шло определение методологических подходов и инструментария для обоснования рабочей гипотезы о перманентном характере этнической стратификации. Вне зависимости от смены форм государственного устройства, политических режимов, идеологием и используемых органами власти социальных технологий в среде автохтонного населения («номадов») выстраивалась иерархически соподчинённая система социальных коммуникаций. В контексте вышеизложенного саунные отношения рассматриваются в качестве одного из проявлений социальных отношений, ориентированных как на выживание (физическое) этнических групп, так и на придание устойчивости социальным процессам, направленным на сохранение этнической и социальной идентичности. В этом контексте можно сформулировать рабочую гипотезу, согласно которой внутриэтническая социальная стратификация объективно определяет сохранение этнической самоидентификации. При наличии и обратной связи процесс социальной стратификации в структуре этнической группы имеет перманентный характер независимо от изменения форм государственного устройства, политического режима и идеологием.

Методология, методы, источники

Выбор в качестве объекта исследования этнической и этносоциальной стратификации определяет использование процессного и системного подхода. С одной стороны, формирование и переформатирование функций социальных страт и социальных институтов традиционного общества представляет перманентный социальный процесс. Его механизм (комплекс причинно-следственных связей) определяется необходимостью адаптации к меняющейся как природной (экологической), так и социальной среде. Особенно в условиях, когда природная среда имеет признаки экстремальности и оказывает не только косвенное и прямое воздействие на практикуемые формы этнической экономики. Так, эпизоотия — явление достаточно обычное при повышении антропогенного воздействия на пастбища — одновременно формирует риски массового падежа стад, голода, подтверждения национальными элитами своего статуса как гаранта выживания подконтрольного населения. Оба процесса в традиционном обществе ставят перед национальной элитой задачу создания страхового фонда, используемого для восстановления стад подконтрольных айльных объединений (территориальных, кровнородственных). В этом контексте сауна может рассматриваться и как социальная технология, и как осознанный и целенаправленный процесс, обеспечивающий сохранения для национальных элит своего социального статуса на основе норм обычного права.

Включение автохтонных групп в государственные образования выстраивают необходимость системного решения нескольких задач: определения правового закрепления статуса национальных элит, обеспечения их социальной мобильности и предоставление возможности включения в региональные и центральные органы власти; выявление форм интеграции этнических форм экономики в систему региональных (варианты — межрегиональных, международных) территориально-экономических коммуникаций; определение механизма адаптации переселенцев (на этнические территории) к новой для них экологической и этносоциальной среде; оценка (в динамике) характера межэтнических коммуникаций и определение очагов перманентного столкновения «межэтнических» интересов.

При системном подходе внимание акцентируется на двух форматах анализа этнической и этносоциальной стратификации как социального явления (в статике) и как процесса (в динамике). Проявляется в выявлении системообразующих традиционные социальные институты связей; выделении социальных страт (групп семей), представляющих (на основе норм обычного права) этнические интересы перед внешними социальными институтами (органами власти, бизнес-структурами и т. д.). Подход ориентирован на выявлении традиции передачи (из поколения в поколение) этого права вне зависимости от смены форм государственного устройства, политических режимов и идеологем. Выдерживается методологический принцип: семейный состав национальных элит может меняться, но функции (управление на основе внутри — этнической «взаимопомощи») остаются неизменными. При этом подходе анализ этносоциальной стратификации как феномена ориентирует внимание исследователя на систему межэтнических коммуникаций на уровне взаимоотношения между элитами. В этом контексте политика государства (национальная, экологическая, информационная и т. п.) рассматривается в качестве фактора перманентного воздействия («внешнего») со стороны социальной среды, в которую интегрированы этнические сообщества, представленные в свою очередь национальными элитами.

Второй формат анализа проявлений социальной стратификации связан с его экологической составляющей. Любая модель жизнеобеспечения, или этноэкосистема (как айльная, так и крупных собственников), базирующаяся на основе экстенсивных форм скотоводства, может рассматриваться в качестве подсистемы биоценоза или экосистемы. Устойчивость традиционной экономики социумов определяется доступностью возобновляемых природных ресурсов, имеющих четко выраженную территориальную привязку. В этом контексте резкое изменение природно-климатических условий (экологические процессы) и те социальные процессы, следствием которых выступает вывод из хозяйственного оборота территорий (участков, таксонов) традиционного природопользования и вызванную этим трансформацию внутри- и межэтнических коммуникаций, должны рассматриваться в логической взаимосвязи (прямой, обратной) и взаимообусловленности. В экологии антропогенный фактор воздействия объективно рассматривается в контексте воздействия всех форм экономики, включая традиционную, на природно-территориальные комплексы (ландшафты). При этом отмечается, что далеко не всегда этнические формы экономики являются экологически сбалансированными.

Региональная специфика форм взаимосвязи (природная среда — социумы, социальные институты) может определяться многими процессами, каждый из которых может стать объектом самостоятельного исследования: а) изменение системы природопользования автохтонных групп при определении межгосударственных и административно-территориальных границ; б) миграционные процессы, изменение этнического состава и демографической структуры населения; политические процессы как фактор этнической и этносоциальной стратификации; «природоохранная» деятельность государства как фактор отчуждения этнической территории и изменения режимов природопользования; этнополитическая консолидация как реакция на курс национальной и экологической политики и т. д. Далеко не полный перечень процессов, с одной стороны, отражает широкий спектр возможностей для отечественной историографии, расширение предметной области исследования в среде этнических сообществ, из поколения в поколения сохраняющих

традиционную хозяйственную специализацию и традиционные формы внутриэтнической регуляции социальных отношений на основе норм обычного права. С другой стороны, перспективы исследования этнической и этносоциальной стратификации как процессов, цикличность которых в историческом контексте определяется кардинальной сменой системы социальных коммуникаций (революции, войны, реформы и т. д.).

Предлагаемые методологические подходы придают исследованию междисциплинарный характер на стыке социальной антропологии, этнологии, этнической социологии, экологии, истории, отчасти политологии, определяют как выбор методов, так и спектр источников.

Для презентации перспектив моделирования системы социальных коммуникаций, определяющих характер социальной (этнической) стратификации только по одному из хронологических срезов (конец XIX в.) на основе традиционных форм экономики, нами был выбран долинный комплекс р. Абай. По современной административной системе полигон охватывает территорию Амурского сельского поселения Усть-Коксинского района Республики Алтай, отделён от Уймонской котловины перевалом и имеет качественные существенные отличия от сопредельного Усть-Канского района.

Природно-климатические характеристики этого района Горного Алтая (Абайская котловина) идентичны с ландшафтными комплексами межгорных котловин Горного Алтая, расположенными на высотных отметках в пределах 1 000 м над уровнем моря: Канской, Уймонской, Теньгинской и др. Растительное покрытие котловин и прилегающих склонов здесь определено климатическими параметрами: среднегодовая температура составляет 1,9° С, осадков выпадает 461 мм в год, из них 69 % — летом. По оценкам ботаников в котловинах преобладают настоящие и засушливые степи с характерными фито-и зооатрибутами [7, с. 67]. Согласно предложенной Г. Н. Огуревой системе геоботанического районирования, этот район входит в Уймонский таёжно-лесостепной район Среднекатунского высокогорно-таёжно-лесостепного округа Центрально-Алтайской подпровинции [8, рис. 15]. В этой связи выявленными нами в границах Абайской котловины системы землепользования можно экстраполировать в качестве модели на сопредельные долинные комплексы в границах этого района, в перспективе, при дополнительном исследовании — на округ.

В качестве опорного источника, позволяющего выйти на исходную систему внутриэтнических коммуникаций, нами были использованы «Сведения об инородцах Томской губернии» за 1889 г., отложившиеся в Государственном архиве Томской области (ф. 234, оп. 1, д. 35) и представляющие массив исходных данных по экономической мощности алтайских хозяйств, выраженные в табличной форме. Материалы статистической обработки источника по выявленным локальным вариантам систем природопользования и жизнеобеспечения [17, табл. 33–36, с. 536–548] выступили основой для вторичного анализа историографических источников и основой полевого исследования (1995–1996 гг.) в этом же районе. Алгоритмы, методы исследования, индикаторы выделения моделей традиционной экономики автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона, введённые в исторический оборот, были частично опубликованы [11].

Основная часть

«Саунные отношения» как система (модель) традиционных коммуникаций и социальных технологий. Экологические и социальные аспекты стратификации

При реконструкции характера землепользования до проведения административного и поземельного устройства автохтонного населения Горного Алтая (1896 и 1899 гг.) было выявлено, что в долинном комплексе р. Абай (верховья р. Коксы) сложилась дисперсно-очаговая система расселения. В источнике приведены данные по 106 хозяйствам. Общая численность населения составляла 1 048 человек (алтайцев), проживающих в зимний период в 148 жилых постройках.

По локализации жилищ (аилов) на пастбищах зимнего цикла выделено четыре района компактного размещения аилов (хозяйств):

1. Долинный комплекс: р. Сугаш (7 хозяйств, 11 жилищ, 62 человека). Отсутствие практики ведения земледелия. Отгонная форма скотоводства.

2. Долинный комплекс р. Абай (66 хозяйств, 89 жилищ, 703 человек). В его границах прослеживаются две локальные группы (территориальные общины), жизненный уклад которых имел существенные отличия. Оседлое население (русские переселенцы, крещёные алтайцы?) было сгруппировано вокруг д. Абай (6 дворов, 32 алтайца, по русским данным нет). Большая часть семей была мобильна: практиковались отгонные формы скотоводства при отсутствии земледелия. По 27 хозяйствам (40,9 %), приписанным к четырём дючинам, в источнике дана родовая принадлежность их глав (21 — иркит, 1 — байлагыз, 1 — ары, 1 — соен).

3. Устье р. Сарычмень — правый приток р. Кокса (5 хозяйств, 10 жилищ, 34 человека). Параметры приведённой в источнике обеспеченности хозяйств скотом исключают возможность существования в этом районе признаков общинной организации.

4. Среднее течение р. Коксу в районе устья р. Юстик (18 хозяйств, 27 жилищ, 133 человек). Ограниченная практика ведения земледелия (7 хозяйств). Отгонная форма скотоводства. По 15 хозяйствам (83 % по очагу), приписанных к четвёртой дючине, дана родовая принадлежность глав (8 — иркит, 6 — байлагыз, 1 — талды).

Отсутствует топографическая привязка четырёх мест расселения (10 хозяйств, 11 жилищ, 123 человека). Возможно, это связано с динамично меняющейся этнической структурой населения в этот период: деревни Абай и Юстик входили в состав 26 поселений, образованных в 1880-е гг. переселенцами, этнический состав которых также мог быть неоднородным. В целом по доливному комплексу ориентировочная численность собственно русских была незначительна и существенного воздействия на пути отгона скота воздействия не оказывала.

Система расселения и детерминанта территориально-общинных социальных коммуникаций определялась локализацией сезонных пастбищ и нескольких маршрутов отгона, которые как показывают полевые материалы, используются и в современный период. Для населения, проживающего в долине р. Коксу при устье р. Юстик, традиционный путь отгона охватывает пастбища по доливному комплексу этой реки с расположенными на северных склонах Теректинского хребта. Маршрут по р. Сарычмень с выходом в верховья и долинные комплексы рек Торфяной, Куркурек, Чарычмень мог в тот период осваиваться только группой населения, проживающей по правобережью р. Коксу (устье р. Сарычмень), в силу того простого обстоятельства, что в весенний период эта река недоступна для переправы стад. Население Абайского очага имело летний весенне-летний прогон по р. Аюлы (в верховья), Сугашского — в верховья р. Сугаш по склонам Коргонского и Теректинского хребтов. По полевым материалам автора статьи в этом районе в 1996 г. расстояние между зимними и летними пастбищами варьировало незначительно, в пределах 7–50 км. Таким образом, как экономической, так и экологической необходимости в жёсткой локализации пастбищ и формирования приоритетного права землепользования для таких социальных институтов, как дьюты (патронимии), не наблюдается, а проявлений кочевого образа жизни, как у казахов и теленгитов Кош-Агачского высокогорного района, здесь не наблюдается.

Согласно традиционной системе расселения, для летнего производственного цикла характерна та же дисперсионная система расселения семей, которые кооперировали свои силы для контроля над выпасом. Однако осуществляться он мог не только в непосредственной близости от летних стоянок. Стравливание пастбищ как в начале, так и конце XX столетия проводилось при их постоянной смене, поэтому не исключено использование одних и тех же пастбищ разными социальными объединениями через определённые интервалы времени. В качестве дополнительного аргумента можно привести и имеющиеся в этнографической литературе примеры о приоритетном праве крупных собственников в стравливании пастбищ, когда выпас скота малоимущих групп проводился после того, как отгоняли отары первой группы. Ограниченная площадь зимних пастбищ диктовала кооперирование при организации выпаса всех семей независимо от их родовой принадлежности. Основной структурной территориально-общинной организации выступал не дьют (имеющий достаточно ограниченное распространение), а простая полная (малая) семья. Регуляция зимнего выпаса скота в рамках одного долинного комплекса при находящихся в разорванном комплексе определяло существование многоуровневой системы социальных коммуникаций по линии «семья — дьют — общины — крупный собственник». Первичным элементом социума выступала семья (простая, полная, двух-трёхпоколенная), и только в отдельных случаях — дьют. Системообразующей связью как семьи, так и дьюта выступали право пользования и распоряжения пашенными и сенокосными участками, находящимися в текущем хозяйственном обороте, но не владения: института частной и семейной земельной собственности в историографических (этнографических) источниках этого периода не зафиксировано. На следующем иерархическом уровне внутри-этнических коммуникаций мы имеем дело с малой территориальной общиной первого порядка. Эта форма социального объединения была определена практикой совместного пользования семьями и дьютами комплекса летних и зимних пастбищ, локализация которых имела дисперсный характер. На третьем уровне мы сталкиваемся с классическим проявлением территориальной общины (община второго порядка). Её системообразующей связью выступает устойчивая система регуляции выпаса на зимних пастбищах, локализованных в границах долинного комплекса. В случае если земельное общество распространялось на население, локализованное в границах одного долинного комплекса, можно предполагать о соответствии этого административно-территориального образования территориально-общинной организации: присутствие переселенческих посёлков, как правило, приводило к реорганизации комплекса поземельных связей. Особое место в системе общинных земельных связей занимали крупные собственники, с одной стороны, интегрированные в систему поземельных (территориальных связей), с другой — являющиеся социальной стратой, имеющей не только имущественные, но и сословные (по факту рождения) отличия по отношению к остальным группам населения (включая переселенческие).

При анализе такого показателя, как обеспеченность скотом хозяйств в рамках Абайского полигона прослеживается высокий удельный вес подвижных видов скота (68 % в усл. ед.), при отсутствии практики создания страховых запасов кормов. Незначительный коэффициент вариации распределения крупного рогатого скота (по хозяйствам) свидетельствует, с одной стороны, об ограниченной практике придомного животноводства, с другой — о том, что по этой форме движимой собственности этническая стратификация не проявлялась. Во многом это определялось круглогодичным выпасом и ограниченной практикой заготовки зимних кормов у автохтонных групп населения. Аналогичный параметр по подвижным видам (лошади, мелкий рогатый скот) свидетельствует об обратном: собственность на подвижные виды скота

выступала основным, если не единственным индикатором стратификации (по имущественному признаку) и фактором, определяющим отношения между социальными стратами.

Средние показатели по обеспеченности хозяйств скотом (в условных единицах), объёмам заготовок ореха, добыче пушнины (белки) представляют интерес при их сопоставлении с экологически заданным оптимумом трудозатрат на ведение комплексного хозяйства, проявляющегося по районам Горного Алтая. Так, показатель 39,2 усл. ед. на одно хозяйство (4 усл. ед. на 1 члена семьи) в Абайском районе вполне сопоставим с данными по Левобережному району (бассейн р. Катунь) в материалах статистического обследования С. П. Швецова (1897 г.) и В. П. Михайлова (1910 г.) [16, с. 26]. Его можно рассматривать в качестве оптимального для сложившейся системы организации скотоводческого хозяйства при существовавшем уровне развития. О том, что промыслы в этом районе не имели товарной значимости и обеспечивали в основном нужды семей свидетельствуют низкие показатели добычи кедрового ореха и пушнины. Добываемые в конце XIX в. 160 кг чистого ореха (на хозяйство) не сопоставимы с реальными возможностями заготовки, отслезенными в настоящее время (500–700 кг на хозяйство), т. е. этот показатель однозначно свидетельствует о том, что в этом районе промыслы не имели товарной значимости.

Статистические данные свидетельствуют о том, что для большей части населения товарно-рыночные отношения были не характерны в целом. Согласно медиальным значениям обеспеченности хозяйств скотом в зафиксированных на Горном Алтае в 1894 г. ценам (лошадь — 15–20 руб., корова — 10–15 руб., овца — 1,5 руб.) средняя стоимость движимой собственности алтайцев варьировала в пределах всего 180–250 руб. при задолженности в пределах 38,8 руб. (коэффициенты вариации по этим признакам незначительны). При этом ежегодно на каждое хозяйство закупалось в пределах 7,0 ц хлеба, а средняя величина ясака при этом составляет всего 4,7 руб. (12 % от величины долга). То есть сложившаяся к концу XIX в. система денежного обращения в среде страт средних и мелких собственников была в большей степени сконцентрирована вокруг двух операций — закупки хлеба и реализации части сельскохозяйственной продукции для выплаты повинностей. Реализация крупных партий продукции скотоводства была прерогативой страты крупных собственников. В этой связи система жизнеобеспечения основной массы населения однозначно имела в качестве составляющей прямую взаимосвязь с этнической стратификацией (табл. 1–2).

Таблица 1 — Экономическая мощность хозяйств крупных собственников. Описательная статистика

Показатели	Состав семьи	Обеспеченность хозяйств				Объём добычи		Сумма долга	Выплата ясака
		лошади	КРС	овцы	усл. ед.	кедр. орех	белка		
Среднее	10	240	26	240	307,2	24	90	5,5	55
Медиана	10	100	30	200	166,3	30	40	4,6	50
Мода	#НД	100	30	200	166,3	0	40	4,6	50
Интервал	10	700	20	300	733,4	50	300	9,2	45
Сумма	50	1 200	130	1 200	1 535,8	120	450	27,6	275
Козф. вариации	5	5	5	5	5	5	5	5	5

Таблица 2 — Экономическая мощность хозяйств по объединённым группам хозяйств крупных собственников и бедноты

Показатели	Состав семьи	Обеспеченность хозяйств				Объём добычи		Сумма долга	Выплата ясака	Потребление хлеба, пуд	Выс. зерна, пуд
		лошади	КРС	овцы	усл. ед.	кедр. орех	белка				
Среднее	10,5	33,9	10,1	36,4	50,1	8,7	37,7	35,3	5,0	44,7	0,4
Медиана	9	1	4,5	0	6	0	32,5	20	4,6	40	0
Сумма	504	1 625	485	1 746	2406,7	419	1810	1696	239,3	2147	18
Козф. вариации	65,7	349	116,8	227,2	268,1	171,2	102,6	136,5	74	62,2	475

При этом граница района из 106 хозяйств только пять (4,7 %) можно отнести к страте крупных собственников, имеющим в собственности 1 200 лошадей (51,5 % по таксону), 130 голов крупного рогатого скота (9,8 % по полигону), 1 200 овец (37,5 % по таксону). В условных единицах (КРС = 1 лошади = = 6 овцам) в собственности этой группы было сконцентрировано до 37 % скота, а в среднем на каждое хозяйство по этой социальной страте приходилось по 307,2 усл. ед. скота (280,0 усл. ед. — на подвижные виды). Эти показатели обеспеченности, с одной стороны, свидетельствуют о широко распространённой практике привлечения рабочей силы, с другой — что не менее 40 % пастбищных угодий (особенно летних) находилось прямо или опосредованно под прямым и косвенным контролем национальных элит.

Свободные трудовые ресурсы у общин, в рамках полигона были. По результатам ранжирования хозяйств по такому признаку, как средняя обеспеченность скотом (в усл. ед.), была выделена страта неимущих: выделялась группа, состоящая из 33 семей, в собственности которых находилось не более 1,5 ед. скота на одного члена семьи. Показатель, который однозначно не обеспечивал физического выживания и не позволял сохранять традиционный уклад жизни вне саунных отношений.

По группе, объединяющей крупных собственников и бедноту (табл. 2), проявляются крайне несколько трендов. Здесь опять мы отталкиваемся от такого показателя, как средняя обеспеченность скотом (в усл. ед.), которая в 1889 г. составила 50,0 ед. Этот показатель, с одной стороны, превышает выявленные

средние показатели по всем социальным стратам (39,2 усл. ед.), представляющие экологически сбалансированный показатель антропогенной нагрузки на сезонные пастбища. С другой стороны, отражает наличие страхового фонда, ориентированного на выделение скота на выпас не только бедноте, но территориальным и родовым (дьюрты) объединениям, средние показатели обеспеченности скотом которых (30,8 усл. ед.) варьировали незначительно (табл. 3).

Таблица 3 — Экономическая мощность середняцких хозяйств. Описательная статистика

Показатели	Состав семьи	Обеспеченность хозяйств				Объём добычи		Сумма долга	Выплата ясака	Потребление хлеба, пуд	Выс. зерна, пуд
		лошади	КРС	овцы	усл. ед	кедр. орех	белка				
Среднее	9,4	12,1	14,5	25,1	30,8	12,3	47,0	41,6	4,4	44,6	0,6
Медиана	9	10	12	25	27,1	2,5	30,0	22,5	4,5	40,0	0
Мода	4	10	10	0	22,0	0	0	20	2,2	20,0	0
Сумма	544	702	843	1453	1789	711	2725	2414	254	2587	33
Коэф. вариации	57,4	101,6	61,4	86,5	64,3	155,5	117,6	113,9	336,3	213	350

С учётом характера имущественной дифференциации, практикой организации выпаса статистические параметры позволяют в качестве рабочей гипотезы предположить следующее:

1. Для традиционных форм этнической стратификации характерна прямо пропорциональная зависимость между численностью скота, находящегося в собственности страты малоимущих семей и семей крупных собственников. Распределение движимой собственности в таком социуме, как община второго порядка, с учётом наличия этих двух страт не относится к нормальному (кривой Гаусса). Здесь мы имеем дело с отрицательной асимметрией частот, относительно средней арифметической обеспеченностью скотом автохтонных групп по центральной части Горной Алтая. Последний показатель определялся продуктивным покрытием зимних пастбищ и имеющимися людскими ресурсами, привлекаемыми к выпасу.

2. Концентрация скота в собственности отдельных семей при господствующей саунной системе отношений формировало своеобразный резерв для восполнения стад общинников. При этом организация выпаса позволяла превышать экологически и традиционно детерминированные средние показатели обеспеченности хозяйств скотом. В традиционном обществе алтайцев сосуществовало несколько систем землепользования, как территориальных общин, так и групп, стратифицированных по имущественному признаку. По источнику прослеживается возможность отчуждения из землепользования общин второго порядка земель под выпас скота наёмными пастухами или привлекаемыми рядовыми общинниками на основе саунных отношений. Эта практика проявляется в локализации мест как летнего (долина р. Сарычмень), так и зимнего (урочище по р. Барди) выпаса стад (880 усл. ед. скота), находящихся в собственности Тубашева. При этом можно предположить, что при раздаче стад в саун в этом и сопредельных долинных комплексах (реки 2–3 порядка) не исключается и практика выпаса скота в границах крупных собственников, традиционно осваиваемых территориальными общинами второго порядка. В этом случае крупные собственники опосредованно включались в систему поземельных территориально-общинных связей. Характер этих отношений для внешних наблюдателей (чиновников, торговцев, исследователей) всегда имел латентный характер.

Выводы

На основе проведённого пилотажного исследования можно сделать следующие заключения. На примере Горного Алтая прослеживается, что систему традиционного жизнеобеспечения автохтонных этносов необходимо рассматривать только в качестве многоплоскостной, иерархически соподчинённой, динамично и далеко не всегда сбалансированной этноэкологической системы. Процессы воспроизводства и сохранения социальной и этнической идентичности в границах этой экосистемы (этнической территории, территории традиционного природопользования) определялись системой перераспределения воспроизводимых природных ресурсов на основе норм обычного права. Саунные отношения как составляющие этого комплекса не были проявлениями: а) кабального принуждения; б) эксплуатации со стороны национальных элит; в) родовой взаимопомощи. С позиции системного подхода их можно рассматривать в качестве системообразующей связи социумов, определяющей выживание этносов в экстремальных, или близких к ним природно-климатических условиях. Распад этой связи (под внешним воздействием) определял необратимость реорганизации системы внутриэтнических коммуникаций, т. е. формирования очага перманентной межэтнической напряжённости.

В рамках одного долинного комплекса сосуществовало несколько систем землепользования (моделей регуляции поземельных связей). Теоретически на основе массовых статистических источников, локализации маршрутов отгона для каждого из районов Горного Алтая можно каждую из них локализовать и выделить в их структуре доминирующие формы экономической активности. В горных экосистемах эта вариативность придаёт условность понятиям «номадизм», «кочевник» и т. д. Мобильность населения на разных этапах этнической истории могла иметь качественно отличные характеристики.

Социальная стратификация традиционного общества оказывала и прямое, и опосредованное воздействие как на систему землепользования общин второго порядка, так и на источники жизнеобеспечения не менее 40 % населения. При сохранении исторической памяти о сословной структуре как гаранте сохранения относительно высокого благосостояния родовой и этнической самоидентификации в социуме алтайцев доминировали производственно-территориальные связи. Сосредоточение подвижных видов скота в собственности страты крупных собственников при саунной системе отношений определяло формирование социальных установок о приоритетном праве этой социальной страты не только на регуляцию выпаса в период летне-осеннего цикла на закреплённых участках долинных комплексах рек второго и третьего порядка, но и регуляцию комплекса поземельных отношений на этнической территории в целом. В связи с этим предпринимаемые государством с начала XX в. попытки их реорганизации объективно способствовали, с одной стороны, трансформации комплекса традиционных социальных связей. С другой стороны, формированию в среде автохтонного населения перманентных очагов межэтнической напряжённости.

Список литературы

1. Бахматов, Б. Ф. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана / Б. Ф. Бахматов // Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. — Репринт. — Ташкент, 1955. — Архив лаборатории этносоциальных исследований ФИЦ ШНЦ РАН (г. Сочи).
2. Владимиров, В. Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII — первой половине XIX вв. / В. Н. Владимиров // Археология и этнография Южной Сибири. — Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1990. — С. 150–161.
3. Екеев, Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х гг. / Н. В. Екеев. — Горно-Алтайск : Алтайское книж. изд-во, 1988. — 208 с.
4. Марков, Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии / Г. Е. Марков // Советская этнография. — 1970. — № 6. — С. 74–89.
5. Марков, Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии / Г. Е. Марков. — Москва : Наука, Главн. ред. вост. литературы, 1973. — 320 с.
6. Марков, Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество, дефиниции и терминология / Г. Е. Марков // Советская этнография. — 1981. — № 4. — С. 83–95.
7. Мордкович, В. Г. Степные экосистемы / В. Г. Мордкович. — Новосибирск : Наука, 1982. — 192 с.
8. Огуреева, Г. Н. Ботаническая география Алтая / Г. Н. Огуреева. — Москва : Наука, 1980. — 190 с.
9. Першиц, А. И. К вопросу о саунных отношениях / А. И. Першиц // Основные проблемы африканистики: этнография, история, филология: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. — Москва : Наука, 1973. — С. 104–110.
10. Погорельский, П. Экономика кочевого аула Киргизстана / П. Погорельский, В. Батраков. — Москва : Совнарком КАССР, 1930. — 291 с.
11. Поддубиков, В. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии / В. В. Поддубиков, А. Н. Садовой, М. В. Белозерова. — Кемерово : Практика, 2014. — 358 с.
12. Потапов, Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана / Л. П. Потапов // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. — Ташкент, АН СССР, 1955. — С. 17–42.
13. Потапов, Л. П. Очерки истории Ойротии / Л. П. Потапов. — Новосибирск : ЗСКПТ, 1933. — 204 с.
14. Потапов, Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая / Л. П. Потапов. — Москва – Ленинград : ОГИЗ, 1935. — 121 с.
15. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. — 2-е изд. — Москва – Ленинград : АН СССР, 1953. — 444 с.
16. Садовой, А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX в.). / А. Н. Садовой. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 1992. — 198 с.
17. Садовой, А. Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма / А. Н. Садовой. — Санкт-Петербург, 2000. — 587 с.
18. Семенов, Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества / Ю. В. Семенов // Советская этнография. — 1982. — № 2. — С. 48–59.
19. Сталин, И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: тезисы к X съезду РКП(б) (8–16 марта 1921 г.), утверждённые ЦК партии. Раздел II. Очередные задачи РКП (б) // Сочинения. — Т. 5. — С. 24–25. — URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t5/t5_03.htm#par1 (дата обращения: 01.03.2023).
20. Токарев, С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии / С. А. Токарев. — Ленинград : Соц.-экон. изд-во, Ленинградское отд., 1936. — 156 с.
21. Толстов, С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах / С. П. Толстов // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. — 1934. — Вып. 103. — С. 165–203.
22. Тольбеков, С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. / С. Е. Тольбеков. — Алма-Ата : Наука, 1971. — 634 с.

References

1. Bakhtmatov, B. F. O sushchnosti patriarhalno-feodalnykh otnosheniy u kocheyvkh narodov Kazakhstana [On the essence of patriarchal-feudal relations among the nomadic peoples of Kazakhstan]. *Materialy nauchnoy sessii po istorii narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Materials of the scientific session on the history of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. — Tashkent, 1955 [Reprint. Archive of the Laboratory of Ethno-Social Research of the FRC SNC RAS (Sochi)].

2. Vladimirov, V. N. Khozyaystvo yuzhnykh altaytsev v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [The economy of the southern Altaians at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology and ethnography of Southern Siberia]. Barnaul: Altay State University; 1990, pp. 150–161.
3. Ekeev, N. V. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye derevni Gornogo Altaya v 1920-kh gg.* [Socio-economic development of the village of Gorny Altai in the 1920s]. Gorno-Altaysk: Altay book publishing house; 1988, 208 p.
4. Markov, G. E. Nekotorye problemy obshchestvennoy organizatsii kochevnikov Azii [Some problems of the social organization of Asian nomads]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1970, no. 6, pp. 74–89.
5. Markov, G. E. *Problemy razvitiya obshchestvennoy struktury kochevnikov Azii* [Problems of development of the social structure of nomads in Asia]. Moscow: Nauka, Glavn. Red. Vost. Literatury; 1973, 320 p.
6. Markov, G. E. Skotovodcheskoe khozyaystvo i kochevnichestvo, definititsii i terminologiya [Pastoral economy and nomadism, definitions and terminology]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1981, no. 4, pp. 83–95.
7. Mordkovich, V. G. *Stepnye ekosistemy* [Steppe ecosystems]. Novosibirsk: Nauka; 1982, 192 p.
8. Ogureeva, G. N. *Botanicheskaya geografiya Altaya* [Botanical geography of Altai]. Moscow: Nauka; 1980, 190 p.
9. Pershic, A. I. K voprosu o saunnykh otnosheniyakh [On the issue of sauna relations]. *Osnovnye problemy afrikanistiki: etnografiya, istoriya, filologiya* [Main problems of African studies: ethnography, history, philology]. Moscow: Nauka; 1973, pp. 104–110.
10. Pogorelskiy, P., Batrakov, V. *Ekonomika kochevogo aula Kirgizstana* [Economy of the nomadic village of Kyrgyzstan]. Moscow: SovNA RKom KASSR; 1930, 291 p.
11. Poddubikov, V. V., Sadovoy, A. N., Belozerova, M. V. *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodoopolzovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii* [Expertise and monitoring of traditional forms of nature management of indigenous small-numbered ethnic groups: methods of applied ethnology]. Kemerovo: Praktika; 2014, 358 p.
12. Potapov, L. P. O sushchnosti patriarhalno-feodalnykh otnosheniy u kochevykh narodov Sredney Azii i Kazakhstana [On the essence of patriarchal-feudal relations among the nomadic peoples of Central Asia and Kazakhstan]. *Materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy istorii Sredney Azii i Kazakhstana v dooktyabrskiy period* [Materials of a scientific session on the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-October period]. Tashkent: AS USSR; 1955, pp. 17–42.
13. Potapov, L. P. *Ocherki istorii Oyotii* [Essays on the history of Oirotia]. Novosibirsk: ZSKPT; 1933, 204 p.
14. Potapov, L. P. *Razlozhenie rodovogo stroya u plemen Severnogo Altaya* [Decomposition of the tribal system among the tribes of the Northern Altai]. Moscow – Leningrad: OGIZ; 1935, 121 p.
15. Potapov, L. P. *Ocherki po istorii altaytsev* [Essays on the history of the Altaians]. Moscow – Leningrad: AS USSR; 1953, 444 p.
16. Sadovoy, A. N. *Territorialnaya obshchina Gornogo Altaya i Shorii (konets XIX – nach. XX vv.)* [Territorial community of Gorny Altai and Shoria (late 19th – early 20th centuries)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; 1992, 198 p.
17. Sadovoy, A. N. *Narody Yuzhnoy Sibiri v XIX–XX vv. Etnosotsialnye aspekty paternalizma* [Peoples of Southern Siberia in the 19th–20th centuries. Ethno-social aspects of paternalism]. Sankt Petersburg: 2000, 587 p.
18. Semenov, Yu. I. Kochevnichestvo i nekotorye obshchie problemy teorii khozyaystva i obshchestva [Nomadism and some general problems of the theory of economy and society]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1982, no. 2, pp. 48–59.
19. Stalin, I. V. *Ob ocherednykh zadachakh partii v natsionalnom voprose: Tezisy k X sezdu RKP(b), (8–16 marta 1921 g.), utverzhdennye TsK partii. Razdel II. Ocherednye zadachi RKP (b). Sochineniya* [On the immediate tasks of the party in the national question: Theses for the Tenth Congress of the RCP (b), (March 8–16, 1921), approved by the Central Committee of the party. Section II. Immediate tasks of the RCP (b). Works]. Vol. 5, pp. 24–25. Available at: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t5/t5_03.htm#par1 (accessed: 01.03.2023).
20. Tokarev, S. A. *Dokapitalisticheskie perezhitki v Oyotii* [Pre-capitalist remnants in Oirotia]. Leningrad: Sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, Leningradskoe otdelenie; 1936, 156 p.
21. Tolstov, S. P. Genezis feodalizma v kochevykh skotovodcheskikh obshchestvakh [Genesis of feudalism in nomadic pastoral societies]. *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kultury* [Proceedings of the State Academy of the History of Material Culture]. 1934, iss. 103, pp. 165–203.
22. Tolybekov, S. E. *Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX vv.* [Kazakh nomadic society in the 17th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka; 1971, 634 p.

Информация об авторе

Садовой А. Н. — доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Sadovoy A. N. — Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.